

EDN: CEJEQB
УДК 351.764(571.51)''1917/1929''

To the Issue of Change in the Attitude of the Authorities to the Phenomenon of Prostitution in 1917–1929 (On the Materials of Yenisei Province)

Daria N. Nesterenko* and **Nadezhda L. Khait**

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 25.08.2023, received in revised form 20.10.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. The article is devoted to the study of Soviet power judgments about the phenomenon of prostitution during the formation of the new state. Various forms of deviation serve as a reflection of everyday life of society. Sexual commerce at the present stage is one of the debatable ones for researchers of the whole spectrum of sciences. In such a context, it is relevant to study the stages of determining the attitude of the Soviet authorities to the intimate services market in historical retrospect, as this allows us to take into account the experience of developing state decisions in relation to marginalized elements. The study is based on unpublished archival sources. The article pays attention to the reflection of publicistic works on the state decisions in the issue of deviations. The analysis of the stages of formation of the attitude of administrative institutions to sexual commerce showed the positive and negative sides of the introduction of law enforcement practices in relation to the phenomenon of prostitution.

Keywords: the phenomenon of prostitution, Soviet power, Siberia, New Economic Policy, everyday life.

Research area: history.

Citation: Nesterenko D. N., Khait N. L. To the issue of change in the attitude of the authorities to the phenomenon of prostitution in 1917–1929 (on the materials of Yenisei province). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2166–2176.
EDN: CEJEQB

К вопросу об изменении отношения власти к феномену проституции 1917–1929 гг. (на примере материалов Енисейской губернии)

Д.Н. Нестеренко, Н.Л. Хаит

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена изучению советских властных суждений о феномене проституции в период становления нового государства. Различные формы девиаций служат отражением повседневной жизни социума. Сексуальная коммерция на современном этапе является одной из дискуссионных тем для исследователей целого спектра наук. В таком контексте актуально изучение этапов определения отношения советской власти к рынку интимных услуг в исторической ретроспективе, так как это позволяет учесть опыт выработки государственных решений по отношению к маргинальным элементам. Исследование основано на неопубликованных архивных источниках. В статье уделено внимание рефлексии публицистических произведений на государственные решения в вопросе девиаций. Анализ этапов формирования отношения административных институтов к сексуальной коммерции показал положительные и отрицательные стороны внедрения правоприменительных практик в отношении феномена проституции.

Ключевые слова: феномен проституции, советская власть, Сибирь, НЭП, повседневность.

Научная специальность: 5.6.1 – отечественная история.

Цитирование: Нестеренко Д. Н., Хаит Н. Л. К вопросу об изменении отношения власти к феномену проституции 1917–1929 гг. (на примере материалов Енисейской губернии). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2166–2176. EDN: CEJEQB

Введение. Исторически детерминированный социально-исторический феномен проституции – система предоставления и потребления сексуальных услуг. Феномен сексуальной коммерции создает специфическую подкультуру, одной из характерных черт которой является деморализация как клиента, так и человека, предоставляющего услугу. Проблема распространения венерических заболеваний данной категорией маргинальных элементов является существенной и значимой в современных реалиях. Актуальность заявленной темы обуславливается наличием дискуссий о возможности легализации этого явления в современном обществе.

В дореволюционный период российским государством была организована система надзора над проституцией. В 1843 г. графом Л. А. Перовским была разработана реформа по легализации коммерческого секса путем создания медико-полицейских органов для регистрации и освидетельствования «публичных женщин»¹. Система «желтых билетов» имела первостепенную цель – предотвращение распространения венерических заболеваний². Именно поэтому во врачебных ведомостях, полицейских рапортах о проделанной работе прослеживается нейтральная риторика относительно зарегистрированных

¹ ГАКК. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2384 Л. 2.

² ГАКК. Ф. 439 Оп. 1 Д. 26. Л. 3.

проституток. Маргинальные элементы, которые выходили за рамки государственных суждений, считались криминализованными. В делопроизводственных документах этого периода часто встречается лояльный термин «публичная женщина» или «проститутка». Последний при этом указывал на конкретный род деятельности³. Эмоционально окрашенную форму «падшая женщина», как правило, употребляли на страницах периодической печати, где отношение к данному явлению не было однозначным.

После 1917 г. система легализации проституции, созданная графом Л. А. Перовским, была полностью ликвидирована. Функционирование механизма, где явление проституции вписано в общественную структуру посредством врачебно-полицейского надзора, прекратила свое существование. Проституция перестала восприниматься на государственно-правовом уровне как явление. Тем не менее женщины, занимающиеся продажей своего тела, не исчезли, но долгое время не было выработано четких законодательных суждений о том, как правительственные структуры должны взаимодействовать с этой социальной категорией. В годы Гражданской войны в Енисейской губернии наблюдался рост венерических заболеваний. Эти обстоятельства требовали принятия важных для советской власти решений в области регулирования вопроса коммерческого секса.

Целью статьи является рассмотрение эволюции риторики власти по отношению к феномену проституции с 1917 по 1929 гг. Нижняя граница обусловлена отказом от системы легализации проституции. Верхняя граница исследования указывает на изменения в Уголовном законодательстве СССР, когда начались преследования не притоносодержателей, как в Уголовном кодексе от 1922 г., а женщин – проституток⁴. Проституция признавалась общественно опасным явлением, наличие которого отрицалось в новом советском обществе на уровне идеологии.

Изучение разнообразных исторических источников формирует авторский дис-

курс, который является важнейшей базой для диалога в современной науке. Неоднозначная тема коммерческого секса активно обсуждается в научном сообществе. Стоит отметить тенденцию в изучении различных проблем, связанных с дореволюционной системой легализации проституции, таких как нормативно-правовое регулирование (Gerasimov, 2009), проституция как инструмент решения социальных проблем (Evtekhov, Palikova, 2022), сексуальная коммерция на фронте в годы Первой мировой войны (Hearne, 2017) и др. В отношении советского периода существует проблема первичного выявления исторических источников по причине постоянно сменявшихся решений в области регулирования вопросов маргинальных элементов в период становления новой власти.

Методы и данные исследования. Методологической основой для данного исследования является феноменологическая концепция Э. Гуссерля (Husserl, 2004). Девизные явления – это социальные феномены, в подавляющем большинстве имеющие общий генезис (пьянство, проституция, наркомания). Существовая в рамках повседневного поля, они выходят за грани понимания общественного «нормального», образуя уникальный социально-экономический локус, по отношению к которому государство и общественные институты находятся в постоянном поиске эффективных и значимых решений.

В работе использовались специально-исторические методы, среди которых проблемно-хронологический и историко-генетический методы. Они в полной мере позволяют проследить логическое развитие феномена проституции в период становления Советского государства. Историко-генетический метод использовался в исследовании для того, чтобы показать причинно-следственные связи и закономерности развития отношения власти к феномену проституции.

В исследовании использовались материалы Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Отчеты по работе Советов по борьбе с проституцией явля-

³ ГАКК. Ф.595 Оп.4 Д.75 Л. 20.

⁴ ГАКК. Ф.Р. –741. Оп.1 Д.184. Л. 183.

ются важными для понимания социальных связей между институтом проституции и институтом власти в 1920-х гг. (Ф. Р.– 136, Ф. Р.– 153, Ф. Р.– 319, Ф. Р.– 772). Данные документы позволяют проанализировать эволюцию взглядов новой советской власти по отношению к проституции. Они являются основными для понимания линейных и функциональных связей работы новых государственных учреждений, а также повседневных реалий губернии в вопросах, связанных с рынком сексуальных услуг.

Обсуждение. Позиция новой власти по отношению к проституции долгое время оставалась неопределенной. Можно сказать, что причиной этому был нерешенный «женский вопрос». Советская модель определения роли женщины в обществе заключалась в вовлечении в коллективный производственный процесс. «Буржуазный брак» как форма зависимости женщины от мужчины отрицался. На смену дореволюционным представлениям о патриархальной семье пришла идея о равноправии мужчины и женщины⁵.

Представления большевиков о самой проблеме проституции не укладывались в повседневные реалии: коммерческий секс не исчез с предоставлением женщинам законодательно-правовых возможностей заниматься другим трудом. При этом наблюдалась определенная динамика отношения власти к проституции на протяжении указанного периода. Органы советской власти могли выражать свою позицию не только в законодательных документах, но и через публицистические произведения медицинского характера, просветительские брошюры, медицинские и милицейские циркуляры, периодическую печать, театральные суды, сценарий которых тиражировался в общество.

Важно отметить, что властные суждения как в делопроизводственных документах, так и на страницах публицистических изданий менялись с 1917 по 1929 гг., в первую очередь это касалось самого термина

⁵ Василевский Л. М. Проституция и рабочая молодежь. Новая врачебная Москва, 1924, 78.

«проституция», а также методов взаимодействия с ней.

На первом этапе, в период Гражданской войны и становления Советской власти (1917–1919 гг.) считалось, что проституция – это пережиток буржуазного общества, который полностью уйдет при переходе социума к коммунизму. Верхняя граница обусловлена отказом от реформы графа Л. А. Перовского о легализации проституции. Нижняя граница основывается на постепенном введении трудотерапии для маргинальных элементов.

В 1917 г. было распространено суждение о том, что проституция в Российской империи – это следствие капиталистического уклада, где женщина из-за своего неблагоприятного экономического положения вынуждена продавать свое тело. В это время пропагандировались различные формы свободного брака как альтернатива буржуазной семье: «Ведь Октябрь дал женщине полное правовое раскрепощение: он дал мощный толчок и к раскрепощению ее от экономического и семейно-бытового гнёта»⁶. В том числе среди суждений о браке и правовом положении женщины затрагивалась тема проституции. Врач А. И. Елистратов писал, что дореволюционная система легализации проституции не пришла к ожидаемым результатам, в том числе в области санитарного надзора. «Режим врачебно-полицейского надзора был системой прикрепления женщин к проституции, механизмом по лишению женщины ее гражданской правоспособности»⁷. Становится популярным тезис о том, что «проституция – это стремление зажиточных классов к разврату»⁸.

На данном этапе не было выработано четких законодательных оснований для разрешения проблем, связанных с рынком продажи женского тела. В 1918–1919 гг. суждения власти постепенно переходят к практическим установкам. Новая совет-

⁶ Броннер В. М., Елистратов А. И. Проституция в России до 1917 г. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927, 108.

⁷ Броннер В. М., Елистратов А. И. Проституция в России до 1917 г. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927, 108.

⁸ Сабинин А. Х. Проституция. Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание, 1905, 251.

ская власть считала, что проституция – это порок, который можно исправить. Идея состояла в введении трудотерапии, которая была призвана служить методом для исправления «паразитирующих элементов», в том числе проституток⁹. Региональные инициативы в отношении маргинальных элементов обсуждались врачебным сообществом. Доктор А.И. Заблочкий, первый главный врач Красноярского кожно-венерологического диспансера, изучавший проституцию и венерические заболевания, предлагал открыть Трудовой профилакторий для проституток. Однако средств было недостаточно, поэтому идея не была поддержана финансово¹⁰.

Таким образом, власти в области теоретизации данного вопроса приходят к выводу о том, что дореволюционная модель не имеет места в новом обществе. Дома терпимости с системой надзора и освидетельствования женщин для предотвращения распространения венерических болезней уходят в прошлое. Закрепился тезис, что наличие такого заведения равносильно «открытию штаба для уголовных преступников»¹¹. Практических задач в области решения вопроса не удалось достигнуть по причине отсутствия четкого понимания, с чем конкретно нужно бороться и какие органы должны осуществлять практические действия.

Второй этап (1919–1922 гг.): проституция – это следствие нищенства, «тисков нужды» вследствие Гражданской войны и НЭПа¹². Данная периодизация обусловлена началом повсеместного введения трудотерапии (1919 г.), а также введением статей 170 и 171 УК РСФСР (1922 г.), определяющих наказание за принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата и вербовку женщин для проституции (Panin, 2002).

К 1921 г. формируется тезис о том, что НЭП частично возродил рыночные отноше-

ния, а значит, и проблемы, связанные с этой системой¹³. НЭП привел к социальной градации и дифференциации в обществе. Экономическая составляющая попадания в группу маргинальных элементов на фоне общих мер эпохи НЭПа вновь стала актуальной.

Власть начала квалифицировать социальные категории, которые входили в группу риска. Приоритетной задачей властных органов на данном этапе стало отслеживание экономически незащищенных женщин. К такой категории относились: беременные, одинокие, бесприютные, женщины с малолетними детьми, уволенные. Именно они составляли для общества потенциальную группу риска, которая могла «пополнить ряды проституток»¹⁴. В годы Гражданской войны без жилья и средств к существованию осталось значительное количество безработных людей. Как отмечает заместитель народного комиссариата внутренних дел: «вот то сырье, из которого фабрикуется товар – преступник»¹⁵. В риторике власти проституция приравнивалась к преступлению, так как противоречила «моральному оплоту» советской модели¹⁶. В губернии данную категорию населения фиксировала Енисейская губернская советская рабоче-крестьянская милиция¹⁷.

Идея вовлечения женщины в труд путем предоставления ей рабочих мест в производстве терпит неудачу. Трудотерапия предполагала предоставление женщинам, не имеющим профессиональных навыков, рабочее место, при этом физиологические особенности организма не учитывались, а труд, как правило, был тяжелым. Всего на квалифицированных работах в Енисейской губернии находилось 16,6 % женщин¹⁸. Отсюда вывод, что женская рабочая сила, занятая в промышленности, в своем подавляющем большинстве находилась

⁹ Там же.

¹⁰ ГАКК. Ф. Р.– 136. Оп. 1. Д. 697. Л. 2.

¹¹ ГАКК. Ф. Р.–153. Оп.1. Д. 27. Л. 1.

¹² Семашко Н. А. Новый быт и половой вопрос. М.: Санпросвет, 1926, 210.

¹³ ГАКК. Ф. Р.– 745. Оп. 2. Д. 8. Л. 51.

¹⁴ Броннер В. М., Елистратов А. И. Проституция в России до 1917 г. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927, 108.

¹⁵ ГАКК. Ф. Р.– 745. Оп. 2. Д. 8. Л. 51.

¹⁶ Аккерман А. И. Суд над проституткой и сводницей. М.: Изд-во Наркомздрава, 1925, 38.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 30.

на неквалифицированном или полуквалифицированном труде. На предприятиях работа была тяжелая, требовала большой затраты мускульной энергии. Женщины подрывали свое здоровье, при этом промышленное производство постоянно требовало квалификации. Исследование Института охраны труда показало, что в связи с переноской тяжестей у женщин наблюдается разрушение функциональной половой деятельности в 70 % случаев¹⁹.

Большинство безработных женщин не имели почти никакой квалификации, следовательно, с трудоустройством были проблемы. С обучением девочек-подростков дела обстояли неудовлетворительно, так как на учебу предпочтительно брали мальчиков. До 70 % всех безработных составляли приезжие из сельских местностей²⁰. Они являлись потенциальной группой риска для попадания в различные группы маргинальных элементов.

Если говорить об эквивалентной стоимости труда в артели, который предлагали проституткам, и цены за сексуальные услуги, то средний заработок в артели «Тара» (г. Красноярск) составлял 11–20 рублей, в пошивочной – до 30 рублей в месяц²¹. Проститутка за одного клиента в это время могла получить от 3 рублей. В среднем за одну ночь они могли принимать от 3 до 6 клиентов, соответственно, заработок был в разы больше, чем в трудовой артели²². По этой причине проститутки возвращались к торговле своим телом.

Таким образом, в 1920-х гг. угроза венерических болезней, смертность от них вынуждали советских чиновников отходить от тезисов 1917 г., отрицания факта существования проституции в обществе, и искать пути регулирования данного вопроса. Советская власть строила свои суждения на том, что НЭП «возродил тайные притоны и сводничество»²³.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 65

²² ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 65.

²³ Броннер В. М., Елистратов А. И. Проституция в России до 1917 г. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927, 108.

На данном этапе произошло более четкое понимание того, с кем конкретно должно «бороться» государство. Были определены две основные категории женщин, занимающихся проституцией: первая – это те, кто по различным вынужденным обстоятельствам продаёт свое тело. Им должна была помочь трудотерапия. Вторая категория – это «злостные проститутки», по мнению власти, у них не было объективных причин для занятия этой преступной деятельностью, трудотерапия здесь выступала как метод выявления такой категории²⁴. Дальнейших действий по работе с этой категорией проституток не было разработано до 1922 г.

В принятом в 1922 г. Уголовном кодексе РСФСР появились ст. 170 и ст. 171, определяющие наказание за принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата и вербовку женщин для проституции (Panin, 2002).

Таким образом, можно утверждать, что государство боролось с вовлечением в проституцию, то есть с условным «злым человеком», который виновен в том, что вовлекает женщин в этот род деятельности. Следовательно, сама женщина не фигурировала в данных статьях, а потому не могла привлекаться к уголовной ответственности.

Третий этап (1922–1924 гг.) – проституция – «общественно-отколотый» элемент, «недуг», который порождает венерические болезни²⁵. Верхняя граница обозначенного периода характеризуется постепенными разработками в области кадровых решений в связи с новым законодательством, а нижняя – переходом полномочий по надзору над женщинами, предоставлявшими интимные услуги, от врачей к правоохранительным органам.

С появлением Уголовного кодекса происходит плавный уход полномочий по регулированию данного вопроса от милиции к учреждениям здравоохранения. С одной стороны, это означает, что риторика советской власти по отношению к женщине

²⁴ Там же. 54.

²⁵ Грязнов К. Проституция как общественный недуг. Меры к его врачеванию. В 2 ч. М., 1920, 202.

не меняется – она по-прежнему беспомощна, а значит, ей нужна государственная поддержка. С другой стороны, само явление воспринимается обществом как внесистемный элемент, некое «зло», которое является причиной венерических болезней. Это неизбежно приводит к тому, что власть, несмотря на желание оградить женщину от клеймения ее статусом «проститутки» и позже мягким вписыванием ее в государственно-общественный строй, вступает в борьбу с самой женщиной, а не с феноменом.

1923 г. – это период решения организационных задач. Он отмечен различными кадровыми решениями, обсуждениями и выявлением объективных аспектов в области борьбы с явлением проституции. В 1923 г. был проведен I Всесоюзный съезд по борьбе с венерическими болезнями. Он пришел к выводу о создании периферийных органов для борьбы с проституцией как с причиной распространения венерических болезней. На данном этапе продолжает отрицаться любой опыт дореволюционного надзора. Это приводит к формированию суждений о том, что борьба должна осуществляться в отношении содержателей притонов и лиц, которые занимаются непосредственной организацией продажи интимных услуг. Такая переквалификация цели позволяет сделать проблему более осязаемой, чем на предыдущих этапах, теперь главные проблемы – это преступный элемент (притоносодержатель) и венерические болезни.

В Енисейской губернии переквалификация проблемы не привела к существенным результатам. В 1923 г. вводится Положение о Советах по борьбе с проституцией²⁶ на основании Циркуляра от 30 декабря 1922 года за № 1117. При Енисейском Губернском здравоохранении организуется Губернский Совет по борьбе с проституцией. На него возлагалась борьба с проституцией в пределах губернии. Уездные Советы состояли из санитарного врача, он же являлся председателем Уездного Совета, представителей от Уездного Отдела Управления, от Управления профессионального

бюро, Инспектора труда, Уездного Женского отдела и Прокурорского надзора.

В соответствии с положением при Губернских и Уездных Советах мог быть организован фонд для борьбы с проституцией и венерическими болезнями, составляющийся из ассигнований правительственных и общественных учреждений, пожертвований, поступлений от спектаклей, лекций, концертов, гуляний, лотерей. В Енисейской губернии не было организовано отдельного фонда. Проблема финансирования была серьезной, так как члены Совета пытались трудоустроить «дезертиров» по женской линии, но не было средств и мест для получения ими квалификации.

В связи с организацией Советов был принят проект обязательного постановления по борьбе с проституцией, которым в дальнейшем руководствовалась Городская милиция при поимке, задержании притоносодержателей и сводников²⁷:

1. Воспрещается предоставлять помещение для разврата в гостиницах, трактирах, номерах, меблированных комнатах, банях, постоянных дворах и в частных домах.

2. Лица обоего пола, обнаруженные в притонах разврата, подлежат медицинскому освидетельствованию в лечебных учреждениях порядком, установленным Губздравом.

3. Лица, обнаруженные в домах разврата, больные венерическими болезнями, подлежат лечению порядком, установленным Губздравом.

4. Всякий больной венерической болезнью, заразивший здорового человека, подлежит уголовной ответственности.

5. Лица, которые использовали свое положение для вовлечения в разврат своих подчиненных, подлежат уголовной ответственности.

6. Виновные в неисполнении настоящих обязательных постановлений подвергаются взысканиям в административном порядке штрафа не выше 300 рублей золотом или принудительным работам до 2 месяцев, а в судебном порядке: за заражение другого лица венерической болезнью по 155 ст. УК,

²⁶ ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 14

²⁷ Там же.

понуждение своих подчиненных к половой связи по 169А УК, за принуждение к занятию проституцией по 170 ст. и за сводничество и содержание притонов разврата по 171 ст. Уголовного кодекса.

7. Штрафы, налагаемые за нарушение настоящего обязательного постановления, передаются в фонд Советов по борьбе с проституцией: в г. Красноярске и в Красноярском уезде в пользу Губернского Совета, в остальных уездных городах в пользу Уездных Советов по борьбе с проституцией.

Проститутки могли выявить по «подозрительным деньгам» и их растрате, например скупкой краденого или в местах сбыта самогона. Все мероприятия городской милиции должны были проходить незаметно для того, чтобы не нарушать спокойствие остальных граждан, а также для того, чтобы скрыть неприглядную картину преступного мира, число преступников при этом постоянно увеличивалось²⁸. На деле же происходило так, что во многих местах борьба с проституцией «выливалась в борьбу с проституткой»²⁹.

Ярким примером такой борьбы является губернский опыт принятия самостоятельных решений для борьбы с явлением. В 1923 г. было принято решение о том, что лица, занимающиеся проституцией и происходящие из сельской местности, не утратившие связи с деревней, могут быть высланы через соответствующие органы в сельскую местность в целях помещения в такие условия, где занятие проституцией невозможно³⁰. Такие меры были неэффективны по ряду причин. Во-первых, сельская проституция являлась распространенным явлением в Енисейской губернии, так как отхожий промысел создавал условия для развития проституции среди женщин. Более того, во время гражданской войны каналы миграции проститутки из сельской местности в город были фактически перекрыты, поэтому можно утверждать, что многие так и оста-

лись проживать в селах. Во-вторых, одной из приоритетных задач власти с 1917 г. является охрана женщин, которые из-за материальных обстоятельств вынуждены заниматься проституцией. Здесь же наглядно просматривается тенденция к тому, чтобы закрыть доступ женщине к нормальной жизни – такие насильственные «высылки» равносильны наличию «желтого билета» в дореволюционной модели легализации.

На данном этапе юридические суждения не прошли проверку качеством результатов – финансовые вопросы тормозили работу органов, каждый из участников Совета действовал в своих интересах, а сама риторика о том, что нужно наказывать тех, кто вовлекает женщину, а не саму проститутку, не нашла отражения в повседневной действительности. В губернии по-прежнему занимались выявлением проститутки – а это задача Городской милиции, а не врачей. Следовательно, это становилось «ударной задачей»³¹, которая на деле не имела ничего общего с искоренением явления и бережным отношением и мягким вписыванием женщины в государственную систему.

Четвертый этап (1924–1929 гг.) – «проституция – это тяжкая болезнь», а борьба с ней – «это требование коллектива»³². «Проститутка – человек, который случайно, под нажимом обстоятельств, пошел по ложному пути и во всякое время может вернуться к честному труду»³³. 1924 год – период передачи полномочий по надзору над проституцией Гормилиции³⁴. 1929 г. – приняты постановления ВЦИК и СНК «О мерах борьбы с проституцией», в которых были тезисы о жестком преследовании проститутки³⁵.

Методы предыдущего периода оказались неэффективными. Государственные власти пробуют другие пути решения во-

²⁸ ГАКК. Ф. Р.– 745. Оп. 2. Д. 8. Л. 18.

²⁹ Броннер В. М., Елистратов А. И. Проституция в России до 1917 г. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927, 108.

³⁰ ГАКК. Ф. Р.– 742. Оп. 1. Д. 287. Л. 10.

³¹ Очередная ударная задача. Известия ВЦИК, 1922, 42.

³² Семашко Н. А. Новый быт и половой вопрос. М.: Санпросвет, 1926. 210.

³³ Каров А. Н. Проституция и новый быт. М.: Светоч, 1926, 32.

³⁴ ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 15.

³⁵ Там же.

проса коммерческого секса. Исходя из парадигмы, что советское общество – это здоровый организм, построенный на социальной справедливости, то проституция в нем – это временная «болезнь», которая требует решительных действий со стороны государственных институтов.

Данный этап характеризуется активным взаимодействием милиции и венерических диспансеров при большей нагрузке на последние. Одной из приоритетных задач власти на данном этапе становится санитарно-просветительская работа, в том числе среди молодежи. Среди методов борьбы с проституцией были «суды над проститутками», где сознательно фокусировалось внимание на основных проблемных вопросах проституции. К обсуждаемым темам на таком суде относилось не только распространение венерических болезней, но и различные развратные действия, например суд над гражданами, нападающими на купающихся женщин³⁶.

Была организована просветительская работа среди проституток, а также в группах, наиболее склонных к проституции из-за социально-бытовых условий (прислуги кафе, ресторанов, домашние работницы). Работа такого характера велась среди мужской молодежи, прежде всего среди групп, прибегающих к услугам проституции – строительные и сезонные рабочие³⁷. Помимо этого, была организована работа на предприятиях – вводился ряд анонимных анкет, имеющих цель выявить подробности половой жизни гражданина, обращаемость к проституции и другие моменты, характеризующие «половой быт рабочих». С целью выявления «приблизительных размеров проституции», социального состава проституток, их бытовых условий диспансерами предпринимается ряд обследований очагов проституции: харчевен, ночлежных домов, вокзалов.

В этот период складывается четкое понимание того, что проституция и женщины, продающие свое тело на рынке сексуальных услуг, – неотделимые друг от друга

категории, а следовательно, борьба с феноменом приводит к борьбе с самой проституткой. Если на предыдущем этапе власти всячески пытались минимизировать репутационные риски женщины, то теперь это становится оправданным следствием и запросом общества.

В Енисейской губернии для Губернского женского отдела были предусмотрены мероприятия по проведению периодических осмотров среди женщин, записавшихся на Бирже труда. Они представляли собой определенную группу риска. Тем, кто находился в исключительно тяжелых условиях: одиноким девушкам, беременным, имеющим детей, работа предоставлялась в первую очередь³⁸. Осмотры проводились в новом венерическом диспансере, который позволил разгрузить красноярские больницы. С одной стороны, такие освидетельствования не позволяли женщинам оставаться полностью анонимными. С другой стороны, врачами осуждались «старые меры борьбы с проституцией», которые «осуждены самой жизнью: облавы, принудительные осмотры недопустимы»³⁹.

Отделом труда предполагалось организовать для безработных женщин работы по пошиву мешков. К сожалению, это мероприятие не увенчалось успехом. Оставались женщины, которые продолжали «промышлять развратом». Трудность учета таких женщин заключалась в том, что их отпускала милиция под предлогом, что они будут исправляться. В свою очередь, последние продолжали заниматься проституцией. Можно сделать вывод о несостоятельности законодательных суждений советской власти о трудотерапии и об искоренении явления проституции этим методом к 1923–1926 гг.

Предполагалось усиление надзора органами милиции «за пособниками и посредниками проституции», местами, где происходит вовлечение женщин в это занятие, «причем агенты милиции должны быть осведомлены о методах воздействия на над-

³⁶ Там же.

³⁷ ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 10.

³⁸ ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 7

³⁹ ГАКК. Ф. Р.– 136. Оп. 1. Д. 697. Л. 1.

лежащие их вниманию явления в духе и порядке современного государства»⁴⁰.

Милиция была перегружена поиском уголовного элемента, дезертиров. Более того, не всегда милиционер – это образец морали и нравственности, в связи с чем принимались различные положения о том, как должен себя вести блюститель порядка и закона.

Заключение. Законодательные суждения советской власти в губернии на первых этапах были представлены составлением нормативно-правовых источников, которые могли бы регулировать как вопрос проституции, так и явления, которые связаны с этим: беспризорность, женская безработица, алкоголизм. С другой стороны, губернская власть пыталась пойти по пути борьбы с людьми, которые причастны к вовлечению в рынок сексуальных услуг, а не с самой женщиной, что впоследствии оказалось затычным мероприятием, а в условиях форсированности строительства нового общества это было недопустимо.

Таким образом, если говорить об эффективности и гибкости созданной системы, то деятельность Советов по борьбе с проституцией можно оценить положительно со стороны просвещения, а также в случае организации трудовых артелей. С другой стороны, организовать обучение женщин они не смогли, соответственно, не выполнили главную обязанность – многие женщины

трудоустраивались лишь временно, а значит, продолжали входить в потенциальную группу риска. Работа периферийных органов сводилась к планам, бюрократической работе и обсуждению. Действий для конкретного разрешения назревшей проблемы принято не было. Городская милиция была перегружена функционально, штата не хватало, требовалась постоянная учеба сотрудников в связи с постоянной сменой определенных документов в области проституции и притоносодержательства.

Властная риторика 1917–1929 гг. характеризуется динамичностью, изменением суждений и отношения к проституции. Общая тенденция к расширению правоспособности женщин и активному вовлечению их в трудовую деятельность не смогла ослабить «тиски нужды», которые нередко становились фактором жизнеспособности проституции. Новое советское государство постепенно изменяло свое отношение к женщинам, вовлеченным в данный промысел, но не к самому явлению. Коммерческий секс отрицался как феномен, который не искоренить. В такой парадигме меры не могли быть только профилактическими. Советское общество пробовало различные рычаги для ликвидации такого внесистемного элемента, как проституция. Нерешенность проблемы привела власти к выводу о том, что необходимо запретить проституцию на всех уровнях – с 1929 г. началось уголовное преследование проституток, она была признана уголовным преступлением.

⁴⁰ ГАКК. Ф. Р.– 136. Оп. 1. Д. 697. Л. 3

Список литературы / References

Evtekhov, R. A., Palikova, T.V. Prostitutsiya kak instrument resheniya social'nykh problem Vostochnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. (Evtekhov R. A., Palikova T. V. Prostitution as an element of solutions to social problems in Eastern Siberia and the Far East in the second half of the XIX – early XX century) In: *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriia»*, 2022., T. 39, 28–39 (*Proceedings of the Irkutsk State University. The History Section*, 2022., Vol. 39, 28–39).

Gerasimov, N. V. Istoriya gosudarstvennogo regulirovaniya prostitutsii v Rossii. (Gerasimov N. V. History of state regulation of prostitution in Russia). *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2009, 71, 172–182 (Bulletin of the V.N. Tatishchev State Institute, 2009, 71, 172–182).

Gusserl', E. *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naija fenomenologija: Vvedenie v fenomenologicheskiy filosofii*. (Husserl E. *The Crisis of the European Sciences and Transcendental Phenomenology: Introduction to Phenomenological Philosophy*) SPb.: V. Dal', 2004, 400 (Spb.: V. Dahl, 2004, 400).

Hearne, S. Sex on the Front: prostitution and venereal disease in Russia's First World War. *Revolutionary Russia*, 2017, 102–122.

Panin, S. E. *Povsednevnaia zhizn' sovetskikh gorodov – p'ianstvo, prostitutsiya i bor'ba s nimi v 1920-e gg.: na materialakh Penzenskoi gubernii* (Panin S. E. *Everyday life of Soviet cities – drunkenness, prostitution and struggle against them in the 1920s: on the materials of Penza province*): dis. ... k. ist. nauk: 07.00.02, Penza, 2002, 319 (Dissertation of Candidate of Historical Sciences: 07.00.02, Penza, 2002, 319).

Список сокращений

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

НЭП – Новая экономическая политика